

Petrova Z.M. Jepitety M.N. Murav'jova // Jazyk russkih pisatelej XVIII veka. L.: Nauka, 1981. S. 151-166. (V tekste – Petrova, 1981).

Prokofev N.I. K literaturnoj jevoljucii vesennego pejzazha: (Kirill Turovskij, I.M. Katyrev-Rostovskij i V.K. Trediakovskij) // Novye cherty v russkoj literature i iskusstve: XVII – nachalo XVIII v. M.: Nauka, 1976. S. 321-242. (V tekste – Prokofev 1976).

Rogova E.N. Jelegicheskij modus hudozhestvennosti v literaturnom proizvedenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / RGGU. M., 2005. 19 s. (V tekste – Rogova, 2005).

Shahnovich M.I. Mify o sotvorenii mira. M.: Znanie, 1969. 62 s. (V tekste – Shahnovich, 1969).

Shajtanov I.O. Mysljashhaja muza. M.: Prometej, 1989. 260 s. (V tekste – Shajtanov, 1989).

Slovar' jazyka Pushkina: v 4 t. / otv. red. akad. AN SSSR V.V. Vinogradov. – 2-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 2000. (V tekste – SJaP).

Slovar' russkih pisatelej XVIII veka / otv. red. A.M. Panchenko i dr. L.: Nauka, 1988-2010. Vyp. 1-3. (V tekste – SRP).

Slovar' russkogo jazyka XVIII veka / gl. red. Ju.S. Sorokin, Z.M. Petrova. L.; SPb.: Nauka, 1984-2015. Vyp. 1-21. (V tekste – Sl. RJa).

Sorokina Ja.A. Jelegija v sisteme liricheskikh zhanrov XVIII veka: opyt komparativnogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1998. 217 s. (V tekste – Sorokina, 1998).

Toporov V.N. Iz istorii russkoj literatury. M.: Jaz. rus. kul'tury, 2001. T. 2, kn. 1: Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka: issledovanija, materialy, publikacii; M.N. Murav'jov: vvedenie v tvorcheskoe nasledie. 912 s. (V tekste – Toporov, 2001).

Trediakovskij B.K. Veshnee Teplo. Oda // Trediakovskij B.K. Izbrannye proizvedenija. M.; L.: Sov. pisatel', 1963. S. 356-362. (V tekste – Trediakovskij, 1963).

Zhuk A.D. Idillicheskij gimn v anglijskoj i nemeckoj literature poslednej четврти XVIII veka i XIX veke // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 30 (168). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 35. S. 75-83. (V tekste – Zhuk, 2009).

УДК 811.161.1+82

ББК 81.2Рус+83.3(2Пос)

*H.C. Морозова
Nadegda S. Morozova
C.O. Петрова
Snejanna O. Petrova*

Концепты художественной картины мира В.К. Кюхельбекера Concepts of the artistic picture of the world by V.K. Kuchelbecker

Аннотация: В статье поднимается вопрос о многообразии сложившихся в лингвокогнитологии подходов к изучению художественных концептов. На примере поэтического творчества незаслуженно забытого декабриста В.К. Кюхельбекера устанавливается ядро его концептосферы, включающей художественные концепты «Жизнь», «Сметь», «Поэт», «Друг», более подробно рассматривается ассоциативный слой концепта «Жизнь».

Ключевые слова: концептосфера; художественный концепт; структура концепта; ассоциативный слой; концепт «Жизнь».

Abstract: the article deals with the diversity of linguistic and cognitive approaches to the study of artistic concepts. The concept sphere including the artistic concepts «Life», «Death», «Poet», «Friend» is defined on the example of the poetry by V. K. Kuchelbecker. The associative layer of concept «Life» is studied in detail.

Keywords: concept sphere; art concept; structure of concept; associative layer; «Life» concept.

В течение последних нескольких десятилетий актуальной в лингвистической науке остается проблема исследования человеческого фактора в языке. Человек репрезентирует свое восприятие и осмысление окружающего мира в устной речи, в созданных им текстах, в том числе и в художественных. В связи с этим целесообразно обратиться к имеющемуся на сегодняшний день накопленному опыту анализа языка в лингвокогнитологии и использовать ее терминологию и методический инструментарий. Остающийся актуальным концептуальный подход к исследованию текстов дает возможность реконструировать индивидуально-авторскую картину мира, проникнуть через тексты в художественное мышление поэта и выстроить систему значимых для него концептов, определить их индивидуально-авторское наполнение.

Под концептом мы, вслед за Ю.С. Степановым, понимаем «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека <...> концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 42].

На сегодняшний день сложилось два основных направления исследования концептов: ряд авторов исследуют концепты как универсальные представления о мире, выраженные в национальном языке, другие анализируют – индивидуально-личностные, образные представления о мире, о реальной действительности. И в этом случае объектом исследования становятся художественные тексты, а предметом изучения – выявление специфики художественных, индивидуально-авторских концептов.

Мы согласны с В.А. Масловой в том, что специфика художественного концепта, отличающая его от универсальных концептов, состоит в его иной природе: в основе лежит ассоциация, художественный концепт включает в себе эмотивные смыслы, включает в себя образы, они личностны, психологически более сложны. Они представляют собой «комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающих на основе художественной ассоциативности. Чем богаче культурный и эмоциональный опыт поэта, тем глубже и обширнее его концепты» [Маслова, 2004, с. 34–35].

Понятие *художественный концепт* активно разрабатывается современными исследователями (например, работы Н.В. Красовской, Е.Г. Луговской, Л.В. Миллер, А.Я. Саморуковой и др.). В результате современная наука располагает большим количеством подходов к установлению содержания и структуры художественного концепта. И.А. Тарасова предлагает использовать методику послойного анализа художественного концепта, выделяя в его структуре предметный, образный, ассоциативный, символический слои [Тарасова, 2003].

Н.С. Болотнова, представитель коммуникативно-когнитивного подхода, использует методику моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов, придавая особый авторитет ассоциативным связям в структуре концепта [Болотнова, 2007, с. 74].

Особого упоминания заслуживает метод, направленный на смысловую интерпретацию содержания художественного концепта с последующей его реконструкцией, предложенный в исследованиях Л.В. Миллер. Этот метод основан на сопоставлении генетически тождественных контекстов и реализуется «посредством указания на некоторое неструктурированное множество тематически связанных художественных высказываний, означающих концепт в различных текстах. Суммирование таких “означиваний” и даст возможность говорить о содержании концепта» [Миллер, 2004, с. 164].

Для изучения концептосферы необходимо в первую очередь определить ее элементы, установить наличие тех или иных концептов в структуре концептосферы. По справедливому замечанию О.Г. Згазинской, обоснование имен концептов обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами [Згазинская, 2008]. Исходя из этого на первом этапе работы была тщательно изучена биография поэта, та общественно-политическая обстановка и литературная атмосфера, в которой жил и творил В.К. Кюхельбекер.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер – один из представителей русской литературы первой половины XIX века. Он писал в разных жанрах, в его творческом наследии лирические, прозаические, драматические произведения, а также переводы, дневники и критические статьи. Это человек со сложной и трагической судьбой, интересный автор со своеобразной стилистикой. Человек очень талантливый и любознательный, окончивший лицей с серебряной медалью и, казалось бы, которого должна была ждать блестящая писательская карьера. Незаурядная эрудиция, знание языков, оригинальность суждений, трудолюбие, стремление и умение отстаивать собственный взгляд на поэзию завоевали ему уважение товарищей, среди которых на первом месте были А.С. Пушкин и А.А. Дельвиг.

Однокашник по Лицею М.А. Корф в «Записках о Лицее» заметил писательский талант Кюхельбекера: «Он принадлежал к числу самых плодовитых наших стихотворцев, и хотя в стихах его было всегда странное направление и отчасти странный даже язык, но при всем том, как поэт, он едва ли не стоял выше Дельвига и должен был занять место непосредственно за Пушкиным» [Цит. по: Криничная, 2004, с. 139]. «Он человек занимательный во многих отношениях <...> он с большими дарованиями, и характер его очень сходен с характером женеваго чудака (Руссо)», – писал о нем Е.А. Баратынский [Баратынский, 1989, с. 462]. Из воспоминаний и критических замечаний его современников становится очевидно, что литературное наследие Кюхельбекера, как и его творческая натура, незаслуженно забыто исследователями.

Воспоминания его однокашников, современников, друзей, а также его дневниковые записи позволили предположить, что в его поэтической картине мира

особое место занимают концепты «Жизнь», «Смерть», «Поэт», «Друг». Думается, что обращение к исследованию содержания этих концептов даст интересные результаты в моделировании художественной картины мира поэта. Более того, погружение в мир В.К. Кюхельбекера позволяет утверждать, что представления поэта о названных выше объектах осмысления образуют ядро его концептосферы, выражая аксиологические ценности поэта. Так, обращение к теме жизни и смерти прослеживается на протяжении всего творчества: в 17 лет Кюхельбекер написал стихотворение «Бессмертие есть цель жизни человеческой...», в котором есть строки: *Могила, знать, всему предел, / И извергов она, и добрых – всех удел! / Увянут благость и пороки, / И тленья лишь текут за гробом мрачны токи! / И совесть, и закон, и честь, и долг – мечты!*

Тема смерти звучит и в последующих стихотворениях: «Мертвый – живому» (1815), «Ницца» (1821), «Родство со стихиями» (1834), «Участь русских поэтов» (1845), «Горько надоел я всем» (1846) и др.

События, произошедшие в жизни В.К. Кюхельбекера, привели к тому, что ему пришлось жить в ссылке, заниматься тяжелым физическим трудом, выживать в сложных социальных условиях. Несмотря на это он продолжал писать (хоть и стали чаще звучать темы смерти, тяжелой судьбы непризнанного поэта). В.К. Кюхельбекеру пришлось пережить смерть почти всех своих друзей, это наложило определенный отпечаток на его мысли о жизни. Однако обладая сильным духом, природным оптимизмом, он не отчаивается, не замыкается в себе и в своем мире. Именно в это время (после 1842 г.) создаются его лучшие произведения, которые входят в сокровищницу русской поэзии.

По его собственному признанию, которое он сделал, находясь в заключении, становится ясно, какое значение для него имела возможность быть Поэтом. Он писал своему племяннику: «Никогда не буду жалеть о том, что я был поэтом; утешения, которые мне давала поэзия в течение моей бурной жизни, столь велики, что доволен их. Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти, и признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог бы купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность, болезни душевные и телесные с поэзией я предпочел бы счастию без нее» [Литературное наследство, 1954, с. 467]. Такое признание автора позволяет предположить, что в концептосфере В.К. Кюхельбекера особое положение занимает и концепт «Поэт».

Наличие в поэтическом наследии В.К. Кюхельбекера большого количества стихотворений, посвященных его друзьям, однокашниками, братьям по перу, позволяет говорить о значимости для концептосферы поэта концепта «Друг». Его прямые обращения к своим сокурсникам, к друзьям прослеживаются на протяжении всего творчества как в названиях стихотворений («К Пушкину и Дельвигу», «К Пушкину из его нетопленной комнаты», «К друзьям, на Рейне», «К Пушкину», «Тень Рылеева», «Памяти Грибоедова» и др.), так и в текстах: *мой верный друг* (1818 г.), *брат и друг* (о Грибоедове, 1829 г.), *мои друзья, мои заоблачные друзья* (1838 г.).

Авторы статьи, вслед за И.А. Тарасовой, О.Г. Згазинской осмысливают художественный концепт как сложную содержательную структуру, компоненты которой могут быть выявлены с помощью семантико-когнитивной интерпретации собственно контекстов, в которых номинируется данный концепт. В связи с этим особое значение в выявлении авторского наполнения содержания художественного концепта приобретает анализ ассоциативных связей между именем концепта и другими элементами художественного текста, то есть установление ассоциативного слоя в структуре концепта. Внимание авторов статьи сосредоточено на ассоциативном слое художественного концепта «Жизнь».

Анализ содержания данного концепта проводился на основе стихотворений «Зима» (1816), «К моему гению» (1818), «Пробуждение» (1820), «Жизнь» (1820), «19 октября 1828 года», «Памяти Грибоедова» (1829), «Вопросы» (1832), «19 октября 1836 года», «19 октября 1837 года» (1838), «Усталость» (1845), «Еще прибавился мне год» (1845), «Горько надоел я всем...» (1846). Эти произведения созданы в разные годы жизни Кюхельбекера и охватывают основные этапы его творческой эволюции.

Изучение указанных текстов позволило вначале определить состав лексических репрезентантов концепта «Жизнь», которыми являются единицы разной частеречной принадлежности. В первую очередь, это слово *жизнь*, являющееся именем концепта и встретившееся в 6 текстах. Кроме того, к числу прямых репрезентантов концепта относятся и однокоренные слову *жизнь* лексемы: прилагательные *живой*, *живительный*, *животворный*, *житейский*, *безжизненный*, глаголы *жить*, *переживать*, наречие *заживо*. Например, *Увы! с часу на час реже, реже / Живительным огнем согрет мой дух!; Хрустит у меня под ногою / Светлый, безжизненный снег; Что будет, знаю наперед: / Нет в жизни для меня обмана* и др.

Контекстуальное окружение перечисленных выше лексем выражает преимущественно негативное отношение Кюхельбекера к жизни. В его восприятии жизнь – это время мучений, страданий, терзаний. При этом заметим, что такое восприятие самого ценного, что есть у человека – Жизни – прослеживается на протяжении всего творчества Кюхельбекера. Так, еще в 1814 г., в 17 лет молодой поэт пишет: *Увы! так жизни в треволненьи / Единый плач я зрю, стенанья полон слух; / Безвестность мрачная, мучительно сомненье / Колеблют мой смущенный дух! <...> Ах! лучше бы вовек я мрачного забвенья / Из недра не был извлечен, / Для бедствий лишь одних вовеки не рожден!* Близкое соседство слов *плач*, *стенанья*, *забвенья*, *треволненье* *мрачный*, *мучительный* в данном контексте подчеркивает отношение поэта к жизни: она не приносит радости, любви, удовлетворения от самого существования на земле.

В 1829 г., находясь в заключении как участник декабристского движения, Кюхельбекер создает стихотворение «Памяти Грибоедова», в котором жизнь предстает как страдание в заточении: *Когда еще ты на земле / Дышал, о друг мой незабвенный! / А я, с тобою разлученный, / Уже страдал в тюремной мгле <...> / между тем мои страданья / Копились и росли.*

В 1836 г. в стихотворении «19 октября 1836 года» поэт подводит некоторые итоги своей жизни: *Во мне душа переживает тело, / Еще мне божий мир не надоел. / Что ждет меня? Обманы – наш удел, / Но в эту грудь вонзалось много стрел; / Терпел я много, обливался кровью; / Что, если в осень дней столкнусь с любовью? 19 октября – день, сердцу братьев незабвенный, Лицея день священный, день Царскосельского Лицея, образ которого в своем творчестве не раз создавали его первые выпускники, в том числе и В.К. Кюхельбекер, сокурсник А.С. Пушкина. Традиционными для стихотворений о Лицее являются темы дружбы и памяти. Правда, в творчестве Кюхельбекера прослеживается явное сопоставление своей темной, безрадостной жизни с жизнью его друзей, в том числе и Пушкина, безвременно ушедшего в январе 1836 г.: *Чьи резче всех рисуются черты / Пред взорами моими? / Как перуны / Сибирских гроз, его золотые струны / Рокочат... Пушкин, Пушкин! это ты! / Твой образ – свет мне в море темноты; / Твои живые, вещие мечты / Меня не забывали в ту годину, / Как пил и ты, уединен, кручину.**

В структуре рассматриваемого художественного концепта четко выделяется одно из направлений осмысления жизни как страдания. В связи с этим ассоциативный ряд образуют номинации *страдания, мучения, забвенье, тишина, треволенье*, используемые поэтом неоднократно на протяжении всего творчества.

Другим, сопутствующим первому, направлением осмысления жизни является восприятие ее сквозь «решетку темницы»: поэт, находясь под арестом с января 1826 г. и будучи сосланным на каторжные работы, большую часть своей творческой жизни провел в заключении, где не переставал создавать стихи. Значительная часть жизни Кюхельбекера прошла под арестом или под «условным» арестом, при котором ему было разрешено работать, но при этом оставаться в суровых климатических условиях Сибири. В том и другом случае свобода вольнолюбивого поэта была нарушена, вся жизнь его превратилась в заточение. Поэтому естественно, что ассоциативный ряд со словом *жизнь* образуют такие единицы, как *тюрьма, (душиная) темница, (вечная, нерассветная) тьма, (тюремная) мгла, раб, болото, заточенье, изгнание, срам, сиротство, казнь*. Например: *Давно судьба грозит / Мне казней нестерпимого удара: / Она меня того лишает дара, / С которым дух мой неразлучно слит! / Так! перенес я годы заточенья, / Изгнание, и срам, и сиротство; / Но под щитом святого вдохновенья, / Но здесь во мне пылало божество!*

Думается, что в жизни В.К. Кюхельбекера не было бы многих событий, определивших его судьбу каторжника, если бы он не был борцом по своей природе и яростным последователем социально-политических идей декабристов. Человек создан для борьбы – это еще одно направление в осмыслении жизни, которое прослеживается в поэтическом творчестве Кюхельбекера с ранних стихов, созданных сразу после окончания Царскосельского Лицея; в период формирования и развития декабристского движения, а также после ареста. В этом случае ассоциативный ряд со словом *жизнь* составляют единицы *бой, борьба, щит, меч, удар, поприще, развалина, непобедимый, несокрушимый, победить, бо-*

роться, биться, сразить, разрушить. В 1820 г. поэт создает стихотворение «Жизнь»: *Юноша с свежей душой выступает на поприще жизни, / Полный пылающих дум, дерзостный в гордых мечтах; / С миром бороться готов и сразить и судьбу и печали!*

Осмысление жизни как борьбы остается и в период заключения, что свидетельствует о незаурядной, сильной, несломленной обстоятельностью личности. Способность Кюхельбекера искренне увлекаться, доброта сердца, доверчивость – этих черт не изгладили в его характере даже тяжкие испытания, какие выпали на долю поэта. Вот каким он предстает в воспоминаниях А. Рыпинского): «Не раз я с товарищем Александром Понговским или Тадеушем Скржидлевским, – убегали из школы прапорщиков навещать его то в лазарет, то опять в тюрьму <...> Как ясный месяц блестит среди бесчисленного множества тусклых звезд, так и его благородное, бледное, исхудалое лицо с выразительными чертами выделялось сиянием духовной красот “мундир” отверженных. Сильное и закаленное сердце, должно быть, билось в его груди, если уста, этот верный передатчик наших чувств, никогда ни перед кем не произнесли ни слова жалобы на столь суровую долю» [Литературное наследство, 1954, с. 515–516]. Хотя в стихах этого времени он ясно осознает, что победа на стороне правительства: *Какой волшебною одеждой / Блестал пред нами мир земной! / С каким огнем, с какой надеждой, / С какою детской слепотой / Мы с жизнью вступали в бой. / Но вскоре изменила сила, / И вскоре наш огонь погас; / Покинула надежда нас, / И жизнь отважных победила!* («19 октября 1828 года»).

Знакомство с биографией поэта и воспоминаниями его современников делает очевидным, насколько трудна и терниста была жизнь В.К. Кюхельбекера, насколько важно для него было жить и несмотря ни на что продолжать писать. Восхищает его талант и жизненная энергия, его абсолютная увлеченность творчеством и упорной, бескорыстной верой в свои идеалы вплоть до своей смерти. В связи с этим особенно печально воспринимаются стихи, созданные им в конце жизненного пути, в 1845–1846 гг., когда энергия больного, измученного, уже ослепшего человека ослабевала и все с большей силой чувствовалась его усталость от жизни: *Мне нужно забвенье, нужна тишина: / Я в волны нырну непробудного сна <...> / Да! чаша житейская желчи полна; / Но выпил же эту я чашу до дна, – / И вот опьянелой, больной головою / Клонюсь и клонюсь к гробовому покою*. В это время все больше жизнь ощущается Кюхельбекером как время ожидания смерти: *Горько надоел я всем, / Самому себе и прочим: / Перестать бы жить совсем! <...> То ли дело лоно гроба! / Там безмолвно и темно, / Там молчат мечты и злоба: / В гроб убраться бы давно!*

Бесспорно, что художественный текст обладает свойством множественной интерпретации: сколько читателей, столько и мнений. Однако, исследователь всегда стремится избежать субъективности, используя определенный, научно обоснованный метод анализа и привлекая для подтверждения своих наблюдений обширный материал. Выстраивание ассоциативных рядов с ориентацией на имя концепта позволило, на наш взгляд, установить основные направления в

осмыслении Кюхельбекером жизни. Привлечение к анализу биографического материала, воспоминаний современников В.К. Кюхельбекера сделало возможным более объективно интерпретировать художественные высказывания поэта.

Библиографический список

Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений / сост. В.М. Сергеев. – Л.: Советский писатель. – 1989. – 519 с.

Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте. Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (филология). – вып. 2 (65). – 2007. – С. 74–79.

Згазинская О.Г. Концепты <Париж> и <Киммерия> в творчестве М.А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук. – Северодвинск. – 2008. – 255 с.

Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Вып. 4. – С. 21–25.

Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. – М.: Академический проект. Гаудеамус. – 2004. – 1008 с.

Литературное наследство. Т. 59 Декабристы-литераторы. / глав. ред. А.М. Еголин. – М.: Изд-во АН СССР. – 1954. – 805 с.

Луговская Е.Г. Компоненты концептосферы языковой личности Смердякова и особенности ее дискурсивной реализации в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. – 2009. – 18 с.

Маслова В.А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта; Наука. – 2004. – 256 с.

Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: На материале русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб. – 2004. – 303 с.

Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира. – Симферополь: ОАО «СГТ». – 2006. – 284 с.

Саморуковой Я.А. Смысловая структура художественного концепта и способы ее экспликации (на примере художественного концепта «самоубийство» в произведениях Л. Андреева, В. Набокова Г. Газданова): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – СПб. – 2009. – 23 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проспект. – 2004. – 991 с.

Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект: монография. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. – 2003. – 280 с.

References

Baratynskij E.A. Polnoe sobranie stihotvorenij / sost. V.M. Sergeev. – L.: Sovetskij pisatel'. – 1989. – 519 s.

Bolotnova N.S. O metodike izuchenija asociativnogo sloja hudozhestvennogo koncepta v tekste. Vestnik TGPU. Ser. Gumanitarnye nauki (filologija). – vyp. 2 (65). – 2007. – S. 74–79.

Krasovskaja N.V. Hudozhestvennyj koncept: metody i priemy issledovanija // Izvestija Saratovskogo universiteta. T. 9. Ser. Filologija. Zhurnalistika. – 2009. – Vyp. 4. – S. 21–25.

Krinichnaja N.A. Russkaja mifologija. Mir obrazov fol'klora. – M.: Akademicheskij proekt. Gaudeamus. – 2004. – 1008 s.

Literaturnoe nasledstvo. T. 59 Dekabristy-literatory. / glav. red. A.M. Egolin. – M.: Izd-vo AN SSSR. – 1954. – 805 s.

Lugovskaja E.G. Komponenty konceptosfery jazykovej lichnosti Smerdjakova i osobennosti ee diskursivnoj realizacii v romane F.M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M. – 2009. – 18 s.

Maslova V.A. Pojet i kul'tura: Konceptosfera Mariny Cvetaevoj. – M.: Flinta; Nauka. – 2004. – 256 s.

Miller L.V. Lingvokognitivnye mehanizmy formirovanija hudozhestvennoj kartiny mira: Na materiale russkoj literatury: dis. ... d-ra filol. nauk. – SPb. – 2004. – 303 s.

Petrova L.A. Lingvokognitivnye osnovy hudozhestvennoj kartiny mira. – Simferopol': OAO «SGT». – 2006. – 284 s.

Samorukovoj Ja.A. Smyslovaja struktura hudozhestvennogo koncepta i sposoby ee jeksplikacii (na primere hudozhestvennogo koncepta «samoubijstvo» v proizvedenijah L. Andreeva, V. Na-bokova G. Gazdanova): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. – SPb. – 2009. – 23 s.

Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: 3-e izd. – M.: Akademicheskij prospekt. – 2004. – 991 s.

Tarasova I.A. Idiostil' Georgija Ivanova: kognitivnyj aspekt: monografija. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. – 2003. – 280 s.

Zgazinskaja O.G. Koncepty <Parizh> i <Kimmerija> v tvorchestve M.A. Voloshina: dis. ... kand. filol. nauk. – Severodvinsk. – 2008. – 255 s.

УДК 821.161.1-31.09

ББК 81

Е.Г. Хомчак

Elena G. Khotchak

**Концептуализация вещей-образов
в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя
Conceptualization of things-images
in «Petersburg tales» by N.V. Gogol**

Аннотация: В статье исследуется мир вещей-деталей, вещей-образов в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя в аспекте взаимосвязи образной составляющей и лексической объективации вещного мира гоголевского текста. Рассматривается вещь-деталь в семантическом поле гоголевского текста, ее трансформация в вещь-образ с символическим, мистическим наполнением.

Ключевые слова: вещь-деталь; вещь-образ; лексическая объективация.

Abstract: The article deals with the world of things-details, things-images in “Petersburg Tales” by N.V. Gogol from the perspective of interconnectedness between the figurative image-building constituent and lexical objectivity of Gogol’s textual world of things. Special attention is given to a thing-detail in the semantic field of Gogol’s text, as well as to its transformation into a thing-image of symbolic and mystical filling with meaning.

Keywords: thing-detail; thing-image; lexical objectivity; symbolic filling with meaning.

Детализация вещного мира – важный аспект реалистической прозы, начало которой в русской литературе положено Н.В. Гоголем. К изучению произведений